

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

The grammar of causation and interpersonal manipulation / Ed. by Masayoshi Shibatani. Amsterdam: John Benjamins, 2002. xviii + 551 p.

Сборник, выпущенный под редакцией известного типолога Масайоси Сибатани, посвящен типологии каузативных конструкций, их видам, взаимоотношениям с другими грамматическими категориями (аппликатив, фаза), а также месту каузатива в концептуализации отношения “межличностной манипуляции” в тех или иных языках. Большинство статей посвящено языкам Южной и Центральной Америки, мало рассматривавшимся в связи с каузативной проблематикой.

Во вступительной статье “Основные проблемы грамматики каузации” М. Сибатани рассматривает базовые свойства каузативных конструкций. Поскольку сборник в значительной мере посвящен типологии средств выражения каузатива, автор ставит вопрос: какие предикаты становятся лексическими каузативами, а какие подвергаются морфологической каузативации. Отмечено, что существование в языках мира антикаузативов уже означает, что встречаются лексические каузативы (исходно переходные глаголы); впрочем, на наш взгляд, такие пары отличаются от лексических каузативов наличием специального **показателя** изменения валентности. Следовательно, подтверждается идея Хаспельматта [Haspelmath 1993] о том, что декаузативации подвергаются ситуации, часто возникающие без участия агенса, а каузатив в этом случае лексикализуется¹. С

другой стороны, при таком подходе не учитываются лабильные глаголы, покрывающие в разных языках разные области.

Морфологические каузативы гораздо более продуктивны, но их образование тоже ограничено. Например, как отмечено еще в [Недялков, Сильницкий 1969], они часто сочетаются с непереходными глаголами и чаще с пассивными, чем с активными непереходными. Возможно, это объясняется тем, что при инактивных глаголах вакантна роль агенса, заполняющаяся каузатором. Помимо этого, при агентивных глаголах требуется больше усилий, чтобы каузировать событие (нужна воля каузируемого). С другой стороны, переходные и агентивные глаголы сочетаются с аналитическими каузативами, что отражает разделенность каузативного события на два подсобытия. Если один и тот же глагол может образовывать лексические и морфологические каузативы, вторые соответствуют менее прототипическому способу каузации. Различию между лексическими, морфологическими и аналитическими каузативами в семантике соответствуют синтаксические противопоставления, обсуждаемые в статье М. Сибатани и П. Пардеши в настоящем сборнике.

Другие плохо определенные термины — “прямая” и “непрямая” каузация. В лингвистических работах точного определения не дается, хотя делаются намеки на то, что непрямая каузация предполагает посредника между каузатором и каузируемым событием. В работах сборника (в частности, в статье Сибатани и Пардеши) определяющими для этого различия считаются пространственно-временные отношения между событиями и их участием. Предлагается более тонкая классификация: физическая манипуляция (пациентивный каузируемый, прямой контакт каузатора с

¹ Вообще говоря, неочевидно, что лексические каузативы всегда обозначают более прямую каузацию, чем морфологические. Возможно, такое впечатление складывается из-за того, что лексические каузативы часто закреплены за небольшим классом конвенционализированных ситуаций, а морфологические не дифференцированы по типу каузации.

каузируемым), директив (словесное побуждение)².

В сборнике подробно анализируются соотношения между способами выражений каузации. Авторы осознают, что рассматривать каузативные конструкции только как несколько отдельных, автономных типов недостаточно, эти типы конкурируют друг с другом и в глагольной системе в целом, и применительно к одним и тем же лексемам.

Статья М. Сибатани и П. Пардеши “Каузативный континуум” обобщает некоторые типологически распространенные свойства каузативов. Ее темой являются виды каузации и типологически значимые взаимоотношения между семантическими свойствами каузативных показателей и особенностями плана выражения. Авторы пытаются более строго определить различные типы каузации, поскольку строгих определений многих терминов до этого не предлагалось. В работе подробно анализируется понятие *sociative causation* (ассоциативная каузация), использующееся для обозначения каузации, промежуточной между прямой и непрямой, рассматриваются различные ее виды: содействие (совместное действие), помощь (ассистив) и наблюдение, различающиеся степенью участия каузирующего в развертывании каузируемой ситуации и интеграции каузируемой ситуации в ситуацию каузации, данные свойства меньше всего проявляются при каузативе наблюдения. Также проводится различие ассоциативной и непрямой каузацей.

Также в статье рассматриваются случаи полисемии аппликативного и ассоциативного значений. На примерах из маратхи, японского языка и др. авторы рассматривают связь между семантикой показателей и такими характеристиками, как продуктивность и локус выражения значения (кумулятивно с основным значением лексемы, с помощью морфологических показателей, а также отдельных лексем). Авторы приходят к выводу, что параметр продуктивности лучше показывает связь между семантическими и формальными характеристиками, поскольку дает возможность построить более точную шкалу. В статье приводятся таблицы, показывающие корреляции

между внешним выражением и семантикой каузативных показателей.

В работе М. Ашара “Каузация, конструкции и языковая экология: пример из французского” рассматриваются четыре вида французских каузативных конструкций с глаголами со значением каузации, различия и общие черты в их семантике. Каузативная ситуация описывается средствами когнитивной лингвистики как процесс, связанный с передачей энергии “*causer* → *causée* → каузируемая ситуация”.

Забегая вперед, скажем, что выводы Ашара напрямую согласуются с тенденциями, выявленными Сибатани и Пардеши: конструкции различаются по степени интеграции каулируемой ситуации в состав каулирующей, при этом наименее продуктивные и наиболее грамматикализованные конструкции иконически обозначают большую интеграцию. Эти характеристики напрямую зависят от того, является каулируемый агентивным (источником энергии) или пациентивным участником. Фактивность каузации играет меньшую роль.

Конструкции с предлогами *de* и *à* различаются местом фокуса: на реакции каулируемого на воздействия или на событии как едином целом. Далее автор рассматривает некаузативные употребления глаголов, могущих обозначать каузацию, и делает вывод о том, что оно коррелирует с типом каузативных конструкций, в которых они употребляются. В заключение проводятся параллели между каузативными конструкциями и другими французскими конструкциями с аналогичным оформлением частей, а также упоминаются каузативные конструкции, представляющие собой смешение двух из четырех типов. Делается вывод, что именно понятие конструкции является ключевым для изучения выражения каузации во французском языке.

Цели статьи Р. Завала “Каузативы и аппликативы в языке олутек” – проследить зависимость способов образования каузатива в языке олутек (семья мише-соке, Мексика) от семантики исходного глагола и связь между выражением каузативного и аппликативного значений. Вопрос о взаимодействии этих двух значений связан с темой всего сборника: место каузатива среди категорий, обозначающих взаимодействие между людьми или предметами. В работе выделяются шесть классов глаголов: глаголы положения в пространстве, предикаты приобретения свойства (отадъективные) и превращения в объект (отсубстантивные), неагентивные непереходные и лабильные глаголы, а также агентивные глаголы с возможностью опущения объекта. Классификация строится по признаку маркированности / немаркированности стативной, инхоативной или

² Нужно сказать, что ни вступительная статья, ни какая-либо другая из статей сборника не отражают в полной мере двойственную структуру данного противопоставления: с одной стороны, оно связано со способом каузации, с другой – с наличием предметного посредника между каузатором и каузируемым.

каузативной формы. Для установления классов выделяются различные критерии: семантика (класс глаголов положения в пространстве), синтаксис (класс лабильных глаголов), смешанные критерии (отдаективные глаголы приобретения свойства), однако эти классы не пересекаются и имеют ряд свойств, важных для изучения дериваций. Возможность образования каузатива и аппликатива зависит от класса. Затем автор приводит все типы аппликативных дериваций (добавление актанта со значением цели, инструмента, места, а также комитативного актанта).

Два каузативных суффикса различаются тем, какой из объектов – каузируемый или исходный прямой объект – стоит выше в иерархии. Как и во французском языке, каузативные конструкции различаются не только по семантике каузативного показателя, но и по свойствам объектов, хотя в данном случае речь прежде всего идет о синтаксических свойствах. Анализируя синтаксические свойства показателей, автор приходит к некоторым выводам об их происхождении.

Статья Д. Пэйна “Каузативы в языке ашенинка” посвящена описанию выражения каузации в аравакском языке ашенинка, распространенном на территории Перу. Этот язык имеет и аналитические, и продуктивные морфологические, и непродуктивные морфологические и лексические средства передачи каузативной семантики. При этом в лексических единицах со значением каузации выделяются два непродуктивных каузативных аффикса. Оба они подразумевают прямую контактную каузацию, причем каузатор оказывает на каузируемого физическое воздействие. Морфологический каузатив более продуктивен и применяется для описания широкого спектра ситуаций, в том числе с неодушевленным каузатором. При этом возможны два основных понимания: ассоциативная каузация (‘заставить X-а страдать, страдая вместе с ним’) и умышенное действие, направленное только на каузируемого, при этом первое понимание – более сильное, что является необычным для ассоциативного значения каузатива.

Как видно из приводимого материала, каузативные показатели могут иметь аппликативные значения, что, судя по материалам сборника, довольно распространено в языках благодаря наличию в каузативе ассоциативного компонента. Однако эта проблематика подробно не рассматривается. Зато детально анализируется противопоставление лексического и морфологического каузатива, в частности, в сочетании с глаголами речи. Ситуация в ашенинке демонстрирует иконизм способа выражения каузации: аналитический каузатив упо-

требуется при прежде всего дистантной манипуляции, совершаемой каузатором над каузируемым. В отличие от двух остальных типов каузатива – контактного и ассоциативного, – в данном случае каузация не является фактивной.

В заключение автор делает некоторые выводы о происхождении показателей каузатива. Один из них – *-ta-* – является древнейшим показателем каузатива. Другие показатели происходят из формантов с комитативным значением и близким к нему значением ‘одушевлять’. Таким образом, большинство каузативных показателей языка ашенинка происходят из показателей со значением совместности действия, что подчеркивает связь каузатива с другими категориями, несущими компонент взаимодействия между участниками, также и на историческом уровне.

М. Лони в своей статье “О некоторых дублетных формах каузатива в классическом нахуатль” (Мексика, юто-ацтекская семья) также рассматривает противопоставление различных способов образования каузатива, но, в отличие от статьи Пэйна, обсуждаются различия между морфологическими показателями (*-l-tia* и *-tia*)³. Показывается, что, хотя каузативы образуются одним и тем же способом, их семантика различна. Различие заключается, прежде всего, в том, что при каузативе на *-l-tia* каузируемый обладает высокой агентивностью. Именно *-l-tia* употребляется при образовании каузативов от переходных глаголов, даже в случаях, когда переходный глагол стоит в форме объектного имперсонала и его объект не выражен на поверхностном уровне.

Автор замечает, что и в пассивах присутствует формант *-l-* и делает вывод, что *-l-* – и в пассивах, и в каузативах – маркирует перестройку актантной структуры. В случае каузатива от переходного глагола субъект подчиненной предикации теряет самостоятельную референцию (он кореферентен объекту главной). В случае пассива переориентация нужна потому, что исходный субъект становится вторым актантом.

Такое понимание функции показателя *-l-* позволяет объяснить наличие вариантов без *-l-* у некоторых переходных глаголов: как правило, эти варианты означают, что каузатор не воздействует непосредственно на каулируемого, а совершает некоторые действия, которые приводят к каулируемой ситуации (например, встает так, чтобы каулируемый мог его увидеть).

³ При этом часть глаголов образует каузативы путем чередований.

Таким образом, оказывается, что синтаксические свойства и выбор показателя каузатива зависят от типа каузации: от наличия (сознательного) воздействия на каузируемого и от переходности исходного глагола (как показано в нескольких статьях сборника, каузация переходного и непереходного действия различаются не только синтаксически, но и семантически). Кроме того, статья предлагает возможное объяснение для акцессивно-децессивной полисемии (полисемия “каузатив / пассив” наблюдается также, например, в тюркских языках).

Статья А. Стефановича “Каузативные конструкции в языке акавайо” посвящена каузативным конструкциям в языке акавайо (Гайана, карибская семья). Основным средством образования каузативов является присоединение каузативных глаголов. Статья посвящена анализу их семантики, дистрибуции и синтаксиса. Прежде всего, в ответ на вопрос, считать ли каузативами глаголы, обозначающие каузацию состояния, а не действия, автор постулирует каузативный континуум (ср. статью Сибатани и Пардеши): наибольшей каузативностью обладают глаголы каузации переходного действия, далее следуют каузации непереходного действия, превращения каузируемого в участника (переходного) действия (например, ‘сделать убийцей’), придание постоянной характеристики (‘сделать мужчиной’) и, наконец, каузация психологического состояния (‘сделать грустным, огорчить’). Каждый глагол в акавайо обозначает непрерывный участок этой шкалы. В отличие от Сибатани и Пардеши, классифицирующих каузативы по типу взаимодействия каузатора и каузируемого, Стефанович анализирует типы результирующих ситуаций. При этом, как правило, при пересмыслении смысловых глаголов они начинают обозначать более “динамичную каузацию” (близкую к каузации переходного действия).

К сожалению, классификация ситуаций довольно груба и не позволяет сравнить между собой поведение различных глаголов, находящихся на одном полюсе шкалы: в частности, неясно, может ли быть существенной семантическая роль второго актанта исходного глагола: пациенс (‘убивать’), стимул (‘видеть’) и др.

Помимо различных глаголов, в акавайо существует три способа соединения предикаций, обозначающих каузирующую и каузируемую ситуации. Выбор одной из трех каузативных конструкций зависит, как показывает автор, от “силы” каузации и от положения каузатива на шкале каузативности: например, модель с абсолютным каузируемым возможна при каузации постоянного или переменного состояния. При анализе трех каузативных глаголов

автор опирается на их способность сочетаться с той или иной из трех конструкций. Возможно, было бы небезынтересно узнать больше о конструкциях (в частности, в статье почти не описана семантика второй конструкции, где в абсолютиве ставится результат действия).

Для описания семантики каузативных глаголов используются признаки “сильной” каузации, а именно наличие / отсутствие сопротивления со стороны каузируемого, наличие / отсутствие прямого контакта каузатора и каузируемого, наличие / отсутствие активных действий со стороны каузируемого, нанесение каузируемому физического ущерба или его отсутствие.

Кроме типа каузации, как показывает автор, роль играет фокусируемая фаза ситуации: для разных глаголов она различается: в одних случаях акцент стоит скорее на процессе каузации, в других – или на результирующем состоянии.

Глагол *kubi*, в исходном значении употребляющийся приблизительно как английское *do*, делает акцент на результирующем состоянии. С другой стороны, каузация не всегда является фактивной, таким образом, каузация в данном случае не является “сильной”. Как правило, считается, что в прототипическом случае каузатив подразумевает, что результирующее состояние имеет место, и вследствие этого семантика ‘заставлять делать X’ трансформируется в ‘делать X по принуждению’. Возможно, аналитические каузативы ведут себя по-другому – известно, в частности, что для них менее характерно представление каузативной ситуации как единого целого.

Глагол *etaiga*, в прямом значении соответствующий английскому *put in*, подразумевает более “сильную” каузацию. При этом возрастает ее фактивность, но не предполагается отрицательное воздействие на каулируемого.

Наконец, глагол *a'kwarga* ‘заставлять’ предполагает наиболее сильную каузацию с негативным силовым воздействием на каулируемого и фактивность. На шкале “каузация состояния – каузация события” он может появляться только близко к полюсу события.

Свойства глагола *a'kwarga* как каузативного показателя автор связывает с его прямым значением, подразумевающим приложение силы к объекту и прямой контакт агенса с пациенсом, вызывающий изменения в последнем. Выводы, сделанные в статье, могут позволить сделать выводы о грамматикализации каузативных показателей.

Статья Р. Мальдонадо и Ф. Навы «Тараскские каузативы и параметр “сложность события”» рассказывает о выражении идеи каузации в тараскском языке – одном из индейских

языков Мексики, который выделяется в отдельную группу (иногда отдельными языками считаются два его диалекта) – и, в частности, о значении для распределения способов выражения каузации параметра “сложность ситуации”.

Для изучения распределения каузативных показателей используются две шкалы: “сложность ситуации” и “тип воздействия на каузируемого” (прямой / непрямой), которые коррелируют между собой: с возрастанием физического контакта между каузатором и каузируемым возрастает самостоятельность каузируемого, а значит, каузируемая ситуация отделяется от каузации. Именно положение ситуации, обозначающей глаголом, на каждой из этих шкал позволяет ему сочетаться с теми или иными показателями.

Помимо выражения собственно каузативного значения, в статье рассматривается выражение с помощью каузативных показателей других значений: в частности, показана тесная связь между каузацией и пространственными значениями, а также посессивными отношениями. Так, каузативные показатели могут преобразовывать рефлексивную ситуацию (*amrats' i* ‘помыть (свою) голову’) в нерефлексивную (*amra-ts' i* *ku* ‘мыть кому-л. голову’).

Наиболее продуктивным из морфологических показателей является каузативный суффикс *-ku-*. Как правило, он употребляется с основами, присоединяющими локативный суффикс, а также хорошо сочетается с глаголами “ухода за телом” (‘мыть голову’ – ‘мыть кому-л. голову’) и обозначениями состояний. Именно этот показатель обозначает каузацию, наиболее близкую к прототипу: каузируемый не сопротивляется действиям каузатора, каузация является прямой и фактивной. Показатель *-ra-* сочетается, прежде всего, с отадебективными глаголами, но в некоторых случаях он может обозначать и косвенную каузацию, отстоящую дальше от прототипического каузативного значения (‘пить’ – ‘напоить’), а также сочетается с переходными глаголами – в этом случае он обозначает только косвенную каузацию. При образовании каузативов на *-ra-* от переходных глаголов именная группа, обозначающая каузируемого, кодируется так же, как и исходное прямое дополнение, однако это не приводит к неоднозначности, поскольку каузируемый в подобных случаях чаще всего активен, в отличие от исходного объекта.

Наконец, каузативный показатель *-ta-* часто образует глаголы со значением каузации движения. Если *-ku-* обозначает действия над частью целого (например, частью тела), то *-ta-* нейтрализует значение части (‘мыть голову’ – ‘мыть ч.-л.’). Как и *-ra-*, *-ta-* часто обозначает

косвенную каузацию, в том числе не физическую (‘давать знать’). При конкуренции *-ta-* и *-ku-* они во многих случаях противопоставлены по намеренности / ненамеренности каузации (*-ta-* обозначает сознательную каузацию). В некоторых случаях присоединение *-ta-* приводит к нетривиальным преобразованиям (например, к добавлению участника ‘цель’).

В исследовании отмечается, что каузативы на *-ra-* и *-ta-* превосходят каузативы на *-ku-* по силе каузации, поскольку обозначают ситуации, в которых каузатор расходует больше усилий, преодолевая сопротивление каулируемого.

Помимо трех перечисленных выше “чисто каузативных” морфологических показателей, в тараском языке имеется показатель *-lara-*, маркирующий непрямую дистантную каузацию, который обязательно требует присутствия в словоформе другого показателя. Каулируемый при каузативах на *-lara-* самостоятелен, синтаксически он является наивысшим объектом и может становиться подлежащим при пассиве. *-Tara-* функционирует и как инструментальный показатель, поскольку инструмент и каулируемый во многом сходны.

Рассматриваемые каузативные показатели противопоставлены не только по семантике, но и по синтаксическим свойствам получаемой каузативной конструкции: в отличие от *-ra-*, при *-ta-* каулируемый является “первым” (наиболее привилегированным) объектом. Он может подниматься в позицию подлежащего при пассиве и опускаться при рефлексивизации.

Характерной особенностью языка является взаимодействие сложной глагольной морфологии с разнообразием каузативных ситуаций, при этом все варианты маркировки каузации допускают разные типы каузации, в том числе ситуации с высокой сложностью, то есть для языка существует путь, ведущий к началу каузируемой ситуации.

Статья Ф. Кейшалоса «“Перенос свойств” в каузативах языка сикуюни» (агглютинативном языке, распространенном в Венесуэле в районе реки Ориноко, гуахибская группа) посвящена анализу свойств каузативного глагола со значением ‘make’. Сознательно в стороне оставляются морфологическое выражение каузации и аппликативная деривация, о которых говорится лишь кратко: глаголы положения со значением ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’ и ‘быть подвешенным’ в большой степени грамматикализованы и комбинируются со смысловыми непереходными глаголами, обозначая вид и модальность, а их каузативные корреляты комбинируются с переходными глаголами – ср. ‘видеть’ + ‘сидеть’ – ‘смотреть со сидящего X-а’.

Рассматриваемый каузативный глагол *exana* означает 'делать, создавать, превращать' и др. и в некоторых случаях ведет себя, как обычный переходный глагол.

Глаголы с двумя объектами в сикуани демонстрируют модель "первый / второй объект", при которой объект со значением реципиента более привилегирован, нежели объект-пациенс. Именно так ведет себя глагол *exana* в значении 'превращать'.

В качестве каузативного глагола *exana* выступает после основы смыслового глагола, именно к *exana* присоединяются глагольные суффиксы. Автор указывает, что все значения глагола *exana* имеют общий компонент 'приведение объекта в новое состояние с новым пучком свойств, каузируемое внешней силой'. Этот переход на объект нового набора свойств и называется "transfer" – "перенос свойств". При этом объект, переходящий в новое состояние, должен "согласиться" на этот переход – особенно ясным это становится при каузативизации переходных глаголов ('заставить мальчика бить собаку').

Синтаксически каузативы в сикуани нарушают правило, сформулированное в [Comrie 1976]: каузируемый занимает не наивысшую свободную позицию, а всегда позицию прямого объекта. Если изначально она была занята (при каузативах от переходных глаголов), занимающий ее актант становится непрямым объектом. Впрочем, существуют исключения, когда каузируемый занимает не позицию прямого объекта, а позицию косвенного дополнения с локативным суффиксом *-tha*. В частности, при каузативах от аппликативов, вводящих прямой объект, этот объект обладает высокой значимостью и его статус не понижается. Семантическая иерархия значимости является более важной, чем синтаксические иерархии.

При рефлексивизации каузатива от переходного глагола⁴ каузируемый не занимает позицию прямого объекта (в отличие от обычного каузатива от переходного глагола). Эту позицию занимает рефлексивный аффикс, кореферентный каузатору – наиболее значимому актанту.

Другой понижающий механизм – заполнение субъектного слота аффиксом первого лица множественного числа (инклюзивного) *-tsi*, в результате чего конструкция имеет пассивное значение. В том числе "пассивизировать-

ся" может и каузатив (ср. *huna-exana-tsi* 'Его заставили лезть').

Принятый в статье подход к значениям каузативного глагола как к единому целому позволяет поставить ряд важных проблем, в частности, проблему каузативации имен и (имена могут быть актантами лексического глагола 'превратить', а в ряде языков – и каузативных глаголов). Как указывает автор, ряд языков может каузативировать имена, кроме того, имена в языках типа сикуани могут в действительности выступать в роли предикатов, то есть не стоит считать значения 'превратить X в Y' и 'каузировать событие P' автономными друг от друга.

М. Веласкес-Кастильо в статье "Каузативные конструкции в гуарани" весьма полно анализирует и отглагольные, и отыменные каузативные конструкции данного языка.

Лексические каузативы в гуарани обычно не сочетаются с каузативными суффиксами. Как правило, они обозначают ситуации, где каузатор агентивен (как правило, это человек), прямо воздействует на каузируемого, а два подсобытия каузируемой ситуации не разделены во времени.

Наиболее продуктивным типом каузативов является морфологический (аффиксы *mbo/mo-*, сочетающиеся с непереходными предикатами, и *-uka*, модифицирующий переходные).

Первый суффикс может сочетаться с любыми непереходными предикатами. В каузативном предикате каузируемый кодируется **инактивным** префиксом, даже если был **активным** в исходном предикате, что показывает отмеченную в статье М. Сбатани и П. Пардеши в рецензируемом сборнике пациентивность каузируемого при каузативах от непереходных глаголов.

Ряд свойств отличает *mbo*-каузативы от прототипических переходных глаголов. В частности, их формы на *je-* обычно имеют рефлексивное значение, в отличие от *je*-форм большинства переходных глаголов. Еще одно отличие состоит в том, что эти глаголы не сочетаются с номинализатором *je-*.

В случаях, когда конкурируют лексический и морфологический каузативы от одного глагола, в последнем случае каузируемый более активен.

Как и в сикуани, имена сочетаются с аффиксом каузатива: *mbo-kurusu* (CAUS-крест) 'сложить крестом'. С другой стороны, *mbo-* может сочетаться и с активными состояниями. Каузируемый в этих случаях имеет и агентивные свойства, ср. *mbo-guary* 'усадить', где каузируемый должен по своей воле совершить некоторое действие.

⁴ Имеется в виду конструкция, где каузатор кореферентен исходному прямому объекту, хотя это не указывается прямо.

Суффикс *-ika* сочетается только с переходными предикатами, в том числе с *mbo*-каузативами. Синтаксически каузативная конструкция является дитранзитивной, каузируемый маркируется дативом (помимо него, в предложении может быть и другая дативная группа, например, адресат).

Автор утверждает, что, в отличие от *mbo-*, *-ika* часто обозначает непрямую каузацию: при каузативах от переходных глаголов прямому воздействию каузатора доступен только каузируемый, но не вся каузируемая ситуация. Как кажется, здесь сказывается терминологическая неоднозначность: непрямой каузацией можно называть случай, когда каузатор не прямо воздействует на каузируемого или когда он не прямо воздействует на прямой объект. Автор принимает второе решение. С другой стороны, *-ika* в большей степени подразумевает физическую агрессию каузатора по отношению к каузируемому (например, ‘заставить есть X’, в отличие от ‘кормить’). Вследствие этого каузатором не могут быть неодушевленные предметы и силы.

Особый интересный случай представляет каузативация предикатов с инкорпорированным объектом. Как правило, они считаются непереходными и сочетаются с префиксом *mbo-*, но при инкорпорации части тела глагол остается переходным – прямым объектом является поссessor – и сочетается с *-ika*.

Последняя часть работы посвящена аналитическим каузативам с глаголами *heja* ‘позволить’ и *e* ‘сказать’. Конструкцию с ‘позволить’ от нормальных полипредикативных конструкций отличает фактивность, отсутствующая в конструкциях с ‘дать’. Следовательно, как замечает автор, вторая конструкция находится дальше от прототипического каузатива.

П.М. Валенсуэла анализирует в своей работе “Каузативация и переходность в шипибо-конибо” типы каузативной конструкции в языке шипибо-конибо – агглютинативном языке эргативного строя (Перу, панаонская семья).

Каузативный аффикс *-ta* сочетается со всеми семантическими и синтаксическими типами основ. Как и в гуарани, каузируемый занимает объектный инактивный слот, даже если исходно маркировался эргативом и был агентивен, а по маркированию не отличается от исходного прямого дополнения.

Существуют менее продуктивные стратегии каузативации. Так, прилагательные, не отличимые в данном языке от стативных глаголов, наречия и послелоги каузативизируются с помощью глагола *ak-* ‘делать X-ом’, ограниченное число существительных и непереходных глаголов присоединяют суффикс *-n* (например, *rao* ‘лекарство’ – *raon* ‘лечить’). Нако-

нец, интересный случай представляют глаголы движения *jo-* ‘come’ и *ka-* ‘go’: соответствующие им корни *be-* и *bo-*, обозначающие движения множественных объектов и масс, также используются как каузативы от них.

Синтаксически каузативный показатель *-ak* в значении ‘сделать’ при прилагательных более самостоятелен, чем *-n* и *-ta*. В частности, сочинение основ, обозначающих каузируемое состояние (например, ‘я сделал дом длиннее и шире’), не требует повторения *-ak*, но *-ta* в таких случаях должно быть повторено. Однако когда *-ak* сочетается с глаголами и выступает как транзитивизатор в чистом виде (например, образует глагол ‘кипятить’ от ‘кипеть’), он ведет себя как *-ta* и *-n*.

Механизмы каузативации обозначают различные типы каузации. В частности, суффикс *-ta* при конкуренции с *-ak* и лексическими каузативами получает непрямую интерпретацию, причем каузация происходит по воле каузатора, а другие средства обозначают прямую, часто ненамеренную каузацию. Однако автор считает, что существенно другое противопоставление: *-ak* обозначает, что каузатор **ответствен** за смену состояния каузируемого, который, следовательно, является пациентом, а *-ta* – что каузатор только убыстряет изменения, уже происходящие с каузируемым. Так же противопоставлены *-n* и *-ta*.

С другой стороны, непрямая каузация может быть обозначена декаузативацией лексического каузатива с последующей каузативацией (например, *keyb-ta* ‘кончить: DECAUS-CAUS’ ‘позволить закончиться’).

В шипибо-конибо наблюдается так называемое “адвербиальное согласование” – наречные группы согласуются по переходности с главным предикатом. Интересно, что при каузативах от непереходных глаголов допускаются и переходные, и непереходные формы локативных наречий. Если они выступают в переходной форме, это означает, что данное местоположение занимали и каузатор, и каулируемый, а если в непереходной – только каулируемый (в этом случае каузативация имеет место после согласования).

Статья П. Валенсуэлы интересна не только рассмотрением каузативных конструкций, но и их сопоставлением между собой. Оказывается, что средства маркирования каузатива составляют систему, причем в нее входят и лексические каузативы, не содержащие отдельного каузативного показателя.

В. Васкес Сото в статье “Некоторые ограничения на каузативные конструкции в языке кора” обсуждает каузативные конструкции в юто-ацтекском языке кора (Северо-Западная Мексика). Язык имеет аккумулятивный строй,

глагол согласуется с субъектом и объектом, причем модель согласования зависит от того, выражены ли субъектные и объектные именные группы. Субъект может подвергаться топикализации, но только в предложениях с выраженной субъектной именной группой.

Кора имеет стативные, непереходные и переходные глагольные основы. В частности, антипассивный префикс *tiʔi-* сочетается только с переходными глаголами и превращает их в непереходные. Однако важнее всего то, что только глаголы с переходными основами согласуются с прямым объектом, не повышая свою валентность. Формальных критериев для различения агентивных и неагентивных непереходных глаголов не существует.

Лексические каузативы в кора включают супплетивные пары и лабильные глаголы. В частности, супплетивной является пара 'умереть' ~ 'убить'. При этом оба члена пары имеют еще и по две супплетивных основы, одна из которых используется при единственном числе пациенса, а другая – при множественном, что дополнительно свидетельствует о связи между глаголами 'умереть' и 'убить'.

Лабильные глаголы в кора принадлежат к О-типу, то есть субъекту непереходного употребления соответствует объект переходного. Все эти глаголы прототипически переходны и имеют сильно затронутый действием пациенс: ср. *taɾʷa* 'сломать(ся)', *wa-siuhʕaʔan* 'порвать(ся)', *hantánaʔakakaʔa* 'разделить(ся)'.

Далее рассматриваются морфологические каузативы. Во-первых, имеется очень интересный многофункциональный суффикс *-re*, присоединяющийся к стативным основам. Этот суффикс может образовывать лабильные глаголы (*beʔ é* 'быть большим' – *beʔé-re* 'стать / сделать большим'), непереходные глаголы, противопоставленные переходным глаголам на *-te* (*hán-ʕina* 'быть горьким' – *hán-ʕina-re* 'стать горьким' ~ *hán-ʕina-te* 'сделать горьким') и переходные глаголы (*súʔumʷa* 'быть черным' – *súʔumʷa-re* 'сделать черным, покрасить в черный цвет'). Переходность деривата зависит от того, происходит действие обычно самостоятельно или с участием агенса.

Собственно каузативными показателями являются *-ra* и *-te*; *-ra* обозначает более прямую каузацию, чем *-te*. Именно *-te* преимущественно образует каузативы от имен.

Только *-te* маркирует каузативы от неагентивных непереходных глаголов, преимущественно с субъектом-экспериенцером. Способ каузации не маркируется. Как правило, *-te* присоединяется к глаголам, обозначающим действия с неагентивным субъектом, которые, однако, прототипически происходят без участия агенса (ср. *naʔaná* 'смеяться').

С другой стороны, из агентивных непереходных глаголов только *raʔaraʔa* 'лететь' образует морфологический каузатив. Еще несколько из них выступают в каузативной конструкции с глаголом *taʔáih* 'посылать'. Некоторые переходные глаголы, например, *néih* 'танцевать (танец)' могут образовывать каузативы от антипассивов – эти каузативы имеют и манипулятивное ('заставлять танцевать'), и социативно-каузативное значение ('заставлять танцевать с собой'), но в целом этот способ непродуктивен.

Суффикс *-te* также имеет аппликативно-комитативное значение, например, 'придти с Х-ом' от 'придти'. Такие комитативные дериваты образуются, в основном, от глаголов движения. В статье М. Сибатани и П. Пардеши в рецензируемом сборнике отмечается близость значений социативной каузации и совместности.

Единственным классом переходных глаголов, образующих морфологические каузативы, являются ингестивы – обозначения принятия в себя и восприятия субъектом некоторых объектов, воздействующих на него: 'есть', 'пить', 'видеть'⁵. Для них используется суффикс *-raʔa* или комплекс *-raʔa-teʔe*. Каузируемый при этом занимает позицию прямого объекта, вытесняя исходный объект, что обычно для языков с выделением "primary object" (высокозначимого объекта, не обязательно пациентивного). Помимо этого, данные глаголы образуют и аналитические каузативы.

Большинство агентивных переходных глаголов образуют аналитический каузатив с помощью глагола *taʔáih* 'посылать' – от прямого значения сохраняется значение действия, выгодного для каузатора. Главная, каузативная и подчиненная клаузы демонстрируют значительную автономность, например, могут принимать разные аспектуальные показатели.

Неспособность агентивных глаголов образовывать морфологические каузативы автор объясняет тем, что в этом случае в одной клаузе имелось бы два агентивных участника (каузатор и каузируемый) – морфологический каузатив обозначает каузацию неагентивных ситуаций, которые "легче" каузировать прямо (см. упоминавшийся и в других статьях изоморфизм формальных и семантических свойств каузативных конструкций). Интересен факт, почти не затронутый в статье: в кора, вопреки предсказаниям работы [Недялков, Сильницкий 1969], образование каузативов проблема-

⁵ Чаще всего в данный класс включают именно глаголы 'есть' и 'пить', глаголы восприятия являются менее каноническими членами групп.

тично не для переходных глаголов, а для одного из подклассов **непереходных**, который не сочетается ни с одним из показателей каузации.

Д. Флек рассматривает выражение каузации в амазонском языке матсес (паноанская семья) с эргативным строем. Вначале обсуждается определение каузативной ситуации: в частности, предложенное в [Shibatani 1976] (одно из событий должно следовать за другим и быть полностью обусловлено им, по мнению говорящего) и [Lakoff 1987] (прототип включает действие агенса – человека, подверженность пациенса изменению и т.д.).

Единственным продуктивным показателем каузации в матсес является суффикс *-me*. Он может кодировать практически все типы каузации. Ограничения появляются только в том случае, если суффикс присоединяется к непереходному глаголу, имеющему лексический каузатив: тогда морфологический каузатив кодирует непрямую каузацию.

Синтаксически каузативная конструкция нарушает правила, сформулированные в [Comrie 1976]: каузируемый не занимает наивысшую свободную позицию, а становится прямым объектом. При каузативации переходных глаголов исходный прямой объект также сохраняет свою позицию. То же происходит при непроемных дитранзитивах типа ‘дать’: два объекта неразличимы, оба маркируются абсолютным (ср. также статью П. Валенсуэлы).

Суффикс *-me* также образует необычную конструкцию с повышением инструмента. Буквально она значит, например, ‘убить топором’, название инструмента маркируется инструментальным падежом, но, по-видимому, является каузируемым (букв. ‘заставить топор убить тапира’). Синтаксически название инструмента ведет себя, как абсолютный каузируемый в других конструкциях. Такая стратегия пока не получила формального объяснения.

Автор считает, что при каузативном употреблении *-me* добавляет к глаголу самого агентивного участника, а при ‘инструментальном’ – инструмента, промежуточного между агенсом и пациенсом и допускает, что при каузативах, обозначающих непрямую каузацию, *-me* тоже добавляет не каузатора, а каузируемого – ‘посредника’ между каузатором и пациенсом. Как нам кажется, это решение не слишком приемлемо, поскольку действие, обозначаемое исходным глаголом, совершает все же каузируемый, а значит, более приемлемо считать, что он изначально присутствует в структуре ситуации.

Лексические каузативы матсес делятся на несколько групп. К ним относятся лексикали-

зованные глаголы с дитранзитиватором *-ad* (в отличие от большинства дериватов, они не могут иметь рефлексивного значения) и каузативные переходные глаголы с транзитивизатором *-ua*. Часто он образует глаголы от глаголов, заимствованных из испанского языка (*bende-ua* ‘продать’ от исп. *vender* ‘продать’) и может выражать и прямую, и непрямую каузацию.

Также имеются эквивалентные пары. Класс пар, где непереходный глагол имеет окончание *-ka*, а переходный – *-ke* – это единственный класс непереходных глаголов, не сочетающихся с суффиксом *-me*. Вероятно, это связано с тем, что данные глаголы семантически сочетаются с прямой каузацией, которую выражает переходный член пары, а не с непрямой, выражаемой *-me*. Исторически, возможно, *-ke* был показателем непереходных глаголов, с которым не сочетался *-me*, только начавший распространяться.

Хотя матсес не имеет аналитических каузативов в строгом смысле слова, близкой к каузативной является конструкция с глаголами со значением ‘говорить’ (‘Он сказал ей: ‘Сделай это’ ’), которые в данном языке используются как показатели цитации со значением ‘Он заставил ее сделать это’.

Интересно, что каузативное значение в матсес имеют многие номинализаторы, в частности, *-anmēs* (*iquen* ‘мерзнуть’ – *iquen-anmēs* ‘тот, кто заставляет мерзнуть’). Как правило, эта номинализация используется в крайне непрототипическом для каузатива контексте, когда имеет место ненамеренная каузация неволеитивным каузатором события, оцениваемого отрицательно. Другим показателем каузативной номинализации является сочетание *-me-quid*, а комплекс *an-quid* образует номинализации с каузативным значением антипассивов.

Интересны две особенности языка матсес: во-первых, шкала каузации от прямой к непрямой более развита в номинализациях (от прямой каузации в случае *-me-quid* к *-an-quid* и *-anmēs*), чем в финитных предикациях. Кроме того, не наблюдается иконизма в сложности формальных средств: непрякая каузация кодируется простым показателем *-anmēs*. Автор считает, что это свидетельствует о гетерогенности класса каузативных показателей.

За недостатком места мы только упомянем еще две работы сборника – статьи Т. Гивона и Ф. Янга ‘Cooperation and interpersonal manipulation in the society of intimates’ и Б. Малле ‘Verbs of interpersonal causality and the folk theory of mind and behaviour’. Они не относятся прямо к грамматике каузативных конструкций, а связаны с концептуализацией каузации и каузальных связей в языке.

Итак, сборник обсуждает ряд важных проблем, связанных с каузативными конструкциями. В первую очередь подробно рассматриваются соотношения каузативных показателей между собой, а также с классами глаголов. Кроме того, проводится глубокий семантический анализ, связывающий типы каузативов и характеристики актантов (в частности, одушевленность и агентивность). Стоит отметить, что сборник посвящен, прежде всего, американским языкам, мало привлекавшимся для типологии каузативных конструкций. С другой стороны, эта фиксированность на одном ареале является и недостатком – она не позволяет понять, насколько в языках мира в целом существенны изучаемые свойства актантов. Однако важно, что сборник проливает свет на противопоставления прямой и не прямой каузации, каузации с агентивным и с пациентивным каузируемым, которые ранее редко получали точное определение.

Кроме того, при изучении ранее мало изучавшихся в данном аспекте языков выяснилось, что и синтаксические свойства каузативных конструкций в них отличаются от привычных: многие из них нарушают правило, согласно которому каузируемый должен занимать высшую вакантную позицию – в них он всегда становится прямым объектом. Это про-

исходит потому, что данные языки различают не прямой и не прямой объект, а главный и неглавные объекты. Главным (primary) и становится каузируемый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Недялков, Сильницкий 1969 – *В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий*. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
- Comrie 1976 – *B. Comrie*. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences // M. Shibatani (ed.). Syntax and semantics. V. 6. The grammar of causative constructions. New York, 1976.
- Haspelmath 1993 – *M. Haspelmath*. More on the typology of inchoative / causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and transitivity. Amsterdam, 1993.
- Lakoff 1987 – *G. Lakoff*. Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
- Shibatani 1976 – *M. Shibatani*. 'Causativization' // M. Shibatani (ed.). Syntax and semantics. V. 5. Japanese generative grammar. New York, 1976.

А.Б. Лемучий